

УДК 82-65:821.161.1(091)
DOI 10.17223/19986645/33/12

Т.Б. Фрик

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПИСЬМАХ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Статья посвящена анализу элегических мотивов, репрезентированных в частной переписке Н.М. Карамзина. Выявленные мотивы рассматриваются как сюжетообразующие элементы данных эпистолярных текстов, как инструмент саморефлексии и организации чувствительного диалога автора с его адресатами. Делается вывод о том, что элегические мотивы расширяют границы документальности карамзинской бытовой переписки, формируя ее особую лирико-философскую поэтику.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, письма, элегические мотивы.

Эпистолярные тексты конца XVIII – первой трети XIX в. не перестают привлекать внимание исследователей. Поставленный еще Ю.Н. Тыняновым вопрос о роли бытового письма в литературном процессе рубежа веков [1] не теряет и сегодня своей актуальности, так же как и представление о том, что в указанный период бытовое письмо и литература как два типа словесности сосуществуют, сохраняя свое единство и «автономию», но при этом непрерывно взаимообогащаясь [2. С. 12].

В настоящее время в связи с осмыслением писательского эпистолярия уточняется термин «дружеское литературное письмо», под которым понимается текст, несущий, с одной стороны, фактическую информацию, а с другой стороны, подвергающийся определенной степени фикционализации. Фикционализация в данном случае – это процесс обретения нехудожественным текстом черт литературности, вплоть до перехода его в иное качество [3. С. 128]. Таким образом, под дружеским литературным письмом понимается письмо, «переводимое в разряд художественных текстов за счет отнесения на периферию референциально-коммуникативной составляющей в результате его многообразной “литературизации”, реализующейся прежде всего в его “дружеской поэтике”» [Там же. С. 129].

При очевидном всплеске исследовательского интереса к изучению писем Н.М. Карамзина их анализу в указанном аспекте практически не уделяется внимания, тогда как обширное эпистолярное наследие писателя, его переписка с литераторами, царской семьей, родственниками, безусловно, представляет значительный интерес как часть его литературного творчества, а также как воплощение авторской философии мира, человека, общества и истории.

В частной переписке писателя происходит расширение границ документальности за счет использования принципов, приемов художественного осмысления действительности. Анализ писем Н.М. Карамзина разных лет к разным адресатам позволяет сделать вывод о наличии в них целого комплекса мотивов, которые в меньшей степени зависят от того, кому адресованы

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00179).

письма, а скорее определяются мировосприятием, мирочувствованием писателя, а также близким ему литературным направлением и литературной традицией.

Так, по-особому в рассматриваемом эпистолярном письме проявилась меланхолическая традиция русской сентиментальной культуры, ее философская поэтика «меланхолического», сформированная во многом именно в поэтических, прозаических, публицистических текстах Н.М. Карамзина: «Карамзин, сделав предметом внимания русской поэзии лирическую ситуацию идеальной утраты, стал первооткрывателем собственно меланхолического типа мироотношения, при этом отстраненно, и несколько аксиоматически, представив меланхолию как позитивную, субъективно гармонизирующую сферу духовного бытия, сопричастную природе, влекущую человека в область личностного обособления и являющуюся проводником в идеальное Прошедшее» [4. С. 12].

Взаимозависимость, взаимодополняемость прозы и поэзии в творческом развитии Карамзина также находит отражение и в его эпистолярной практике. Утверждение Ю.М. Лотмана, о том, что понимание Карамзина-прозаика, невозможно в отрыве от Карамзина-поэта [5. С. 25] справедливо и по отношению к карамзинским письмам. Поэтика новой русской элегии, субстрат которой формируется в его прозаических произведениях [6. С. 13], поэтика лирического автобиографизма, своеобразной лирической медитации находит отражение и в частной переписке писателя. Одним из ее проявлений можно считать наличие элегических мотивов, пронизывающих письма Карамзина к разным адресатам, что способствует созданию в них мощной лирической эмоции.

Ключевые элегические мотивы (мотив мгновенности человеческого бытия, мотив жизни – сна, мотив отстраненности элегического субъекта, мотив оживления посредством рассказа, искусства или воспоминания [7. С. 9]) наполняют фактуальный уровень содержания писем Карамзина, становятся их своеобразным элегическим мировоззренческим фоном (см.: [7. С. 8]), в них, как и в «Письмах русского путешественника», можно определить стремление «к фиксации неразрывной связи между внутренней жизнью чувствительной души и внешней жизнью объективного мира, воспринимаемого и переживаемого этой душой» [8].

Центральным мотивом карамзинских писем является онтологический мотив смерти. Понимание и осознание конечности человеческого бытия во многом определяет характер философских размышлений Карамзина, его моральных максим, его поведенческий текст, что отражается в особой образной системе его эпистолярного письма. Данный мотив находит воплощение в большинстве писем, например в замечаниях, о неизбежности и постоянной близости смерти: «Это многих пугает; но когда же смерть у нас не за плечами?» [9. С. 18]¹.

Мотив смерти в эпистолярном письме Карамзина неразрывно связан с мотивом страха потери близкого человека. Переживания, связанные с личными обстоятельствами жизни писателя, прежде всего с потерей близких: смертью

---

¹ В дальнейшем письма Н.М. Карамзина и его адресатов цитируются по данному изданию с указанием страницы в скобках.

первой жены, смертями детей, родственников, друзей, воплощаются в его письмах. Пространство письма становится зеркалом глубочайших психологических страданий. По мере переживания трагедии в эпистолярных текстах фиксируется высочайший уровень работы чувств и мысли, письмо становится своеобразным лирико-философским текстом, в котором потеря близких предстает как самое страшное испытание для человека, приравняемое или превосходящее по трагизму его собственную смерть. Пример развития данного мотива находим в многолетней переписке Н.М. Карамзина с братом В.М. Карамзиным, в которой опыт потери близкого человека получает углубленную психологическую интерпретацию, философское осмысление: «Сонюшку люблю нежно, но это чувство не может заменить *потерянного* (здесь и далее курсив мой. – Т.Ф.); к тому же беспрестанно *боюсь ее лишиться*. Куда не взгляну, все вижу смерть перед собою... Я был бы гораздо менее несчастлив, если бы *не боялся потерять ее*» (не датировано) (С. 161); «Находя одно утешение в ней, боюсь и страдаю, как скоро она нездорова. Сделав одну важную *потерю*, человек уже не уверен ни в чем на земле» (6 июня, 1803) (С. 165); «Мы в других начинаем умирать; *теряя* ближних сердцу, делаемся равнодушнее к жизни и менее способными веселиться ею» (24 июля 1807 г.) (С. 175); «Но дай Бог, чтоб старость была для вас как можно менее тягостна и чтобы вы еще долго, долго жили к утешению наших близких! Свою жизнь предаю в волю Всевышнего, но ежедневно молю Его, чтобы мне уже *не оплакивать милых*» (29 декабря 1824 г.) (С. 220).

Мотив смерти в письмах Карамзина также реализуется в мотиве быстротечности жизни. Связанный с ним элегический мотив странничества проявляется в образах жизни – земного путешествия, временного пристанища, гостиницы: «...но дорожу Вами и для всего, что достойно любви человеческой в *земном путешествии*» (С. 17); «Боюсь смерти только за других и стараюсь укрепить свою душу мыслию о Боге, смотря на здешний свет как на *гостиницу*» (С. 17) и др.

Антитеза жизни и смерти воплощена в карамзинских письмах в противопоставлении жизни-сна – смерти-пробуждения. Понимание земной жизни как чего-то эфирного, а жизни после смерти как яви имеет в творческом сознании Карамзина религиозно-философское звучание, связанное и идеей бессмертия и нетленности души.

Быстротечность, нереальность человеческого существования получает в эпистолярном пространстве эстетическую интерпретацию, воплощенную как в прозаической, так и в поэтической форме. Любопытен в этом отношении фрагмент письма Карамзина к И.И. Дмитриеву от 30 сентября 1821 г., в котором он делится своими впечатлениями от общения с императрицей Елизаветой:

«К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

*Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!
Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденье:
Узнаю наяву!..*

В самом деле, чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она кажется мне *сновидением*. Я готов *проснуться*, когда угодно Богу: желаю только не иметь *мучительных снов* до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня» (С. 393).

Так, бытовой рассказ об общении с императрицей становится толчком к элегической рефлексии, реализующейся одновременно посредством как поэтических, так и прозаических средств выражения, что усиливает фикциональность эпистолярного текста. При этом по образности, иносказательности прозаический текст не уступает поэтическому отрывку, в котором реализован мотив жизни-сна: в нем смерть уподобляется пробуждению, а мучительные сны символизируют беды и страдания, выпадающие человеку в процессе жизни-сна.

Мотив жизни после смерти в эпистолярной Н.М. Карамзина неизменно связан с мотивом недостижимости счастья в земной жизни, что также окрашивает письма в элегические тона. Это вполне соотносится с литературным контекстом, а именно с традицией дружеских посланий, для которых было характерно обращение в том числе и к элегическим мотивам: «Ощущение отсутствия, нехватки становится тем семантическим полем, где изначально пересекаются оба жанра» [10. С. 38]. В карамзинских письмах земная и небесная жизнь противопоставляются с точки зрения нереализованных и реализованных возможностей, особенно это проявляется в мотиве встречи за чертой смерти: именно в полях Елисейских возможна встреча с безвременно ушедшими милыми сердцу людьми и именно там будут реализованы те желания, которые были недостижимы в коротком земном путешествии: «Остается в горести ожидать смерти в надежде, что *она соединит два сердца*, которые обожали друг друга» (С. 160); «*Иначе* поговорю с самим Александром в полях Елисейских. Мы многого не договорили с ним *в здешнем свете*» (С. 353).

В этом контексте интересно письмо Карамзина к императрице Елизавете Алексеевне от 30 июля 1820 г. Бытовым поводом для него послужило полученное от императрицы послание, в котором она просит писателя не благодарить ее за пересылаемые газеты, а также рассказывает о своем недомогании, помешавшем запланированным морским прогулкам: «...легкий насморк принудил меня испытать кое-какие лишения подобного рода, но я, как и вы, убеждена, что не следует нам терять на этом свете привычку к препятствиям, встречающимся на нашем пути» (С. 58). Именно этот фрагмент письма, эта философская сентенция императрицы способствует разворачиванию элегического сюжета в ответном карамзинском письме. Оно включает в себя приведенный далее фрагмент, который можно определить как своеобразную элегию в прозе: «Я желал бы, чтобы моя *для здешнего света* печальная система казалась Вам нелепостью; то есть чтобы Вы, вопреки ей, *наслаждались и на земле непрерывным счастьем*. Это желание для меня почти великодушно: *на том свете изъясню Вам смысл этой фразы*. Не забудьте, что Вы обещали быть милостивою к Историографу *и в полях Елисейских*, где я буду ждать Вас, однако ж, с терпением: *ибо в вечности для всего найдется время; ничто не уйдет*. К тому же тени летают, куда хотят: ссылаюсь на предания всех народов. Могу оттуда заглянуть опять в Царское Село, даже и в Ориенбаум. Буду Вас видеть, хотя и невидим; буду Вас слышать, хотя и бессловесен... а почему знать? Может быть, и шепну Вам что-нибудь на ухо, хотя теперь и не люблю наушничества: шепну нескромную весть Ангельскую, чтобы Вы лишний раз улыбнулись как *Ангел на земле*» (С. 59). Очевидно, что в этом

случае бытовое содержание письма ушло на задний план, а реальные участники переписки уступили место поэтичным образам призрака-историографа и ангела-императрицы. Лаконичность и конкретика бытовой переписки растворяется в поэтичности описываемой ситуации, ставшей метафорой духовной близости адресата и автора письма, для которой физическая смерть не является преградой. К концу отрывка особенно ощутим почти стихотворный ритм, достигаемый за счет противительных, инверсивных конструкций. Включение подобного фрагмента в текст письма сродни помещению в него стихотворной вставки. Своеобразная избыточность и несомненная образность подобных включений – пример «олитературирования» бытового текста, расширения его жанровых границ.

Мотивы разлуки и встречи за чертой смерти соседствуют в карамзинском эпистолярном письме с мотивами приглашения в гости и надежды на скорую встречу (данные мотивы также являются доминантными в стихотворном дружеском послании). Так, переписку Н.М. Карамзина и Марии Федоровны, матери Александра I, можно назвать сентиментальным романом «В ожидании встречи» (особенно это касается писем 1813–1818 гг.). Центральным мотивом их переписки становится мотив встречи и общения в Павловске, куда императрица приглашает Карамзина и его семью. По разным причинам их приезд откладывается, а в письмах центральными становятся образы Павловского сада и Розового павильона, которые приобретают символические, идиллические черты. Мечта о возможной встрече становится живительной для души, вдохновляющей на работу, питающей дружеские чувства: «В печальном расположении моей души утешаюсь мыслию жить в Павловском и в Петербурге под Вашим Августейшим покровительством. <...> в садах Павловских, среди веселых предметов и меланхолических воспоминаний, надеюсь в будущее лето прибавить еще несколько глав к своей Истории» (С. 27).

Надеждами на встречу пронизаны письма Карамзина к брату В.М. Карамзину. Видятся они крайне редко, что удручает автора писем. Невозможность встречи вдохновляет писателя на создание мечтательных, даже сказочных картин, которые еще больше подчеркивают недостижимость желаемого: «Желал бы я, любезнейший брат, чтобы вы на Монгольфьеровом шаре слетали ко мне в гости на чашечку кофе и погуляли со мной в здешних липовых рощах. Мы поговорили бы о всякой всячине и всего более о том, сколько я люблю вас» (С. 156). Кроме того, в письмах Карамзин часто оживает образ своего собеседника, воспоминания о нем и о том, что с ним связано, описывая воображаемые картины: «*Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окнами прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства!*» (С. 177). Размышления о невозможности встречи с близким человеком также окрашены элегической грустью и связаны, как правило, с сожалениями о том, что краткая жизнь проходит вдали от близких, а прошедшее, то время, когда близкие были рядом, окрашивается в идиллические тона, как, например, это происходит в письме к И.И. Дмитриеву: «Как бы хорошо было, естли бы мы могли жить вместе, стали бы *по-старому* сочинять буриме и писать сатиры на плешивых, т. е. на самих себя. *Я хотел бы никогда не расставаться с теми, кого люблю;*

хотел бы провести с ними все то время, *которое остается мне жить на земле* – вот одно из первых моих желаний!» [11. С. 99].

Особое место в эпистолярии Карамзина занимает мотив старения, который органично встраивается в ряд меланхолических мотивов его переписки. Интересно, что данный мотив характерен не только для писем последних лет жизни писателя. Так, например, в письме к И.И. Дмитриеву от 20 мая 1800 г. Карамзин уже грустит об ушедшей молодости. Старость связывается автором с потерей надежд на счастье, потерей веры в мечты, доминирующей эмоцией «...становятся грусть и чувство одиночества: считаю остальные волосы на голове своей и вздыхаю. Прошли те лета, в которые сердце мое ждало к себе в гости какого-то неопишемого счастья; *прошли годы тайных надежд и сладких мечтаний!* ...Так на шумном пиршестве утружденные гости один за другим расходятся; музыка умолкает; залы пустеют, свечи гаснут, и хозяин ложится спать – *один!*» (С. 376). Здесь нельзя не заметить переклички с поэтическим творчеством Карамзина, например с известным посланием тому же адресату, написанным шестью годами ранее, а именно с «Посланием к Дмитриеву в ответ на стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости» (1794). Само название послания отсылает к меланхолическим размышлениям об ушедшей молодости в дружеских поэтических посланиях: «Но жизни алая весна / Есть миг – увь! Пройдет она, / И с нею мысли, чувства наши / Лишатся свежести своей, Что прежде душу веселило, / К себе с улыбкою манило, скучно будет ей. / Надежды и мечты златые, / Как птички, быстро улетят, / И тени холодные, густые / Над нами солнце затемнят» [12. С. 34]. Реплика данного мотива в указанном частном письме к И.И. Дмитриеву в очередной раз свидетельствует о сложном взаимодействии дружеского письма и других литературных жанров.

В письмах последних лет высказывания о старости, так же как и размышления о конечности жизни, становятся все более печальными. Послания пронизаны мотивом потери радости жизни, грусти о надеждах молодости: «Лета учат нас многому, но только не веселью» (С. 213); «Удовольствия жизни с летами уменьшаются, а работы и горе прибавляются для человека семейного» (С. 216). Сопутствующим мотиву старости является мотив увядания, который в письмах Карамзина чаще всего связывается с угасанием творческих способностей: «Я уже стареюсь: неизвинительно быть суетным, когда могила перед глазами, а польза сомнительна; *способности мои уже не цветут, а вянут*, как думаю» (С. 205). В образной системе переписки Карамзина с разными адресатами достаточно рано формируется образ стареющего и больного историографа, печального, замученного болезнями, отягченного опытом наставника. Таким образом, лирический образ мудреца, воплощенный в лирике Карамзина (см.: [5. С. 42]) является одним из наиболее ярких образов его частной переписки.

Мотив телесной слабости, нездоровья, заботы о здоровье неизменно присутствует в письмах Карамзина ко всем адресатам, он теснейшим образом связан с мотивом смерти и становится сюжетообразующим для анализируемого эпистолярия. В карамзинских письмах переживания о нездоровье определены своеобразной философией поведения, основанной на особом личном стоицизме: «Творя литературу, Карамзин творил самого себя», «...не

только литература переливалась в жизнь, но и жизнь становилась формой литературного творчества» [13. С. 526, 528].

Ярким примером этого является переписка Карамзина с императрицей Елизаветой, в которой он предстает меланхоличным, умудренным опытом наставником. Постоянное нездоровье императрицы, плохое самочувствие, ревматизм историографа, являясь основными коммуникативными поводами бытового общения данных адресатов, приобретают особое образное, даже символическое значение для их чувствительных душ. Телесная (ревматическая) боль связывается Карамзиным с наслаждением и счастьем, поскольку она не мешает ни мыслить, ни чувствовать. Боль воспитывает, является своеобразным условием построения характера, воспитания души: Среди постоянных хлопот о здоровье в письмах Карамзина и Елизаветы находим своеобразные философские максимы, которые характеризуют слабых здоровьем адресатов как людей сильных духом, ясно мыслящих и глубоко чувствующих: «...век живи – век учись жить», «...живите же как можно долее: то есть как можно долее заслуживайте на земле Небо! Чем долговременнее служба, тем более и награды» (С. 75), – напишет Карамзин в поздравлении Елизавете. Показателен ее ответ: «...нужно трудиться, чтобы заслужить награду, и желать сделать менее долговременной награду – значит проявить леность» (С. 76).

В основе стоического отношения к конечности бытия лежит вера Карамзина в проведение. «Проведение» – одно из наиболее часто употребляемых слов в его эпистолярной переписке. Вера в проведение является своеобразным камертоном всей переписки: «Распахом я не болен единственно *от веры моей в проведение*: где добро или зло не зависят от меня, там стараюсь быть спокойным зрителем. Действительно, *все к лучшему, хотя и не в здешнем свете, то есть не в грезе, а наяву*» (С. 342). Симптоматично в письме к И.И. Дмитриеву одновременное приветствие проведения и смерти: вера в высший порядок позволяет быть уверенности в конечности бытия как обязательном условии наслаждения быстротечной жизнью: «Иногда мысли в тумане; но вспоминаю, что без Бога ничего не делается, и делаюсь спокойнее. *Vive la Providence! Почти хотел бы сказать: vive la mort!* Люблю жить с женою, с детьми, и с друзьями; но мысль о смерти дает особенную приятность жизни: *все милее от того, что не вечно!*» (С. 389). Так, мысль о конечности бытия определяет жизненные приоритеты Карамзина, а своеобразная философия смерти становится основой для карамзинского понимания жизни.

Представление об истинных ценностях находит воплощение в письмах в мотиве отказа от суетности света, к которому по понятным обстоятельствам Карамзин большую часть жизни был близок. Свет воспринимается им как привидение, он не соотносится в мировидении Карамзина с покоем, не входит в его аксиологический список: жизни с семьей, общения с друзьями, служения отечеству.

Мотив отказа от суетности света, приоритета частной тихой жизни становится своеобразным идиллическим противовесом в элегической рефлексии Карамзина – автора писем. Данный мотив часто находит выражение в противопоставлении придворного Петербурга и родной Москвы, в мечтах о которой Карамзин рисует идиллические картинки подобно той, которая появляет-

ся в письме к Вяземскому: «Двор мил как Ангел, но мы философы: так ли? *Оставляя все другое другим*, будем усердно заниматься корректурами и воображать, как года через два купим себе в Москве домик, а близ Москвы дачу, где насадим гряд десять капусты, огурцов, душистых трав, от времени до времени спрашивая, что делается у вас в Петербурге, у Двора, где и мы в старину бывали, как ворона в высоких хоромаш!» (С. 308). Сравните с уже упоминавшимся выше «Посланием к Дмитриеву»: «Оплакать бедных смертных долю / И мрачный свет предать на волю / Судьбы и рока: пусть они, / Сим миром правя искони, / И впредь творят, что им угодно! / А мы, любя дышать свободно, / Себе построим тихий кров / За мрачной сению лесов, / куда бы злые и невежды / Вовек дороги не нашли / И где б без страха и надежды / Мы в мире жить с тобой могли» и т.д. [12. С. 36]. Элегические мотивы в письмах Карамзина соседствуют с мотивами идиллическими. В идиллические тона окрашены рассуждения о прелестях частной жизни, дружбе, природе, этических идеалах.

Мотив работы, труда (в случае Карамзина писательского труда, труда историографа) – один из важнейших мотивов карамзинского эпистолярия, он связан с мотивом преодоления болезни и меланхолии. Работа оправдывает человеческое существование, помогает пережить смерть близких, она связана с мотивом воскресения. Симптоматично, что к концу жизни Карамзина, в его письмах на второй план отходит понимание работы как писательского труда, а сам мотив трансформируется в философское представление о работе над собой, о разрабатывании души, в чем видится истинный смысл жизни: «Отвечаю на главное. На ваше *omnis morior*. Жить есть не писать Историю, не писать Трагедии или Комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его Источнику. <...> *Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу*» (С. 425).

Нет никакого сомнения в том, что обращение к исследованию переписки Н.М. Карамзина способно многое прояснить как в представлениях о русском сентиментализме, о литературной ситуации рубежа XVIII–XIX вв., так и «многое открыть нам <...> в нас самих, в нашем отношении к миру, окружающим людям и самим себе» [14. С. 14]. Эпистолярный Карамзина – это неотъемлемая часть его творческого наследия, в нем одновременно отражаются его личность и литературная жизнь его времени. Не случайно часто так тонка грань между письмами Карамзина и его стихотворными посланиями.

Поэтика карамзинских писем разнообразна и многослойна. В пространстве бытового письма частная ситуация возводится писателем на уровень лирической философии, средством выражения которой часто становится комплекс элегических мотивов, представляющих собой один из сюжетообразующих элементов рассматриваемых эпистолярных текстов, инструмент саморефлексии и организации чувствительного диалога Карамзина с его адресатами. Данные мотивы расширяют границы документальности карамзинской бытовой переписки, формируя ее особую лирико-философскую поэтику.

Литература

1. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

2. Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 19 с.
3. Лаппо-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // Пути развития русской литературы XVIII века. СПб., 2013. С. 121–153.
4. Садовников А.Г. Концепция меланхолии в художественной системе синтетизма и творчестве В.А. Жуковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 26 с.
5. Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/03article/article.htm>. (дата обращения: 27.07.2014).
6. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
7. Рогова Е.Н. Элегический модус художественности в литературном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 19 с.
8. Лебедева О.Б. Повествование в «Письмах русского путешественника»: очерковый, публицистический, художественный аспекты как прообраз романной структуры // Лебедева О.Б. История русской литературы: учеб. для вузов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/index.html> (дата обращения: 15.07.2014).
9. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18: Письма. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
10. Богданович Е.В. Дружеское послание и элегия в 1810–1820-х гг.: к вопросу о взаимовлиянии жанров // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 20 (235). Филология. Искусствоведение. Вып. 56. С. 38–40.
11. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева: в 2 кн. Кн. 1. Хроника. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 960 с.
12. Карамзин Н.М. Послание к Дмитриеву в ответ на стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости // Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. 592 с.
13. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606.
14. Алтаева Т.А. Личность и творчество Н.М. Карамзина как мера методологического развития русской историко-литературной науки // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2011. № 4. С. 113–118.

ELEGIAC MOTIVES IN N.M. KARAMZIN'S LETTERS.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 1(33), 159–168. DOI 10.17223/19986645/33/12

Frik Tatyana B., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vfrik@list.ru

Keywords: N.M. Karamzin, letters, elegiac motives.

The author of the article considers the elegiac motives in N.M. Karamzin's epistolary works. There is an expansion of the limits of actuality due to the use of the principles and devices of art interpretation of reality in Karamzin's letters. Elegiac motives in the writer's letters to different addressees are particularly important. These motives fill the factual level of the letter content and become a background of their peculiar elegiac world outlook.

The central motive of Karamzin's letters is the ontological motive of death which defines the nature of ethical and philosophical reflections of the author in many cases, which, in its turn, is reflected in the special figurative system of the letters. This motive is inseparably connected with the motive of the fear of loss of the loved one, the motive of transience of life, dream life – death-awakening, etc.

Motives of separation and meeting after death come along with motives of the invitation for a visit and hopes for a fast meeting in Karamzin's letters. A special place belongs to the motive of aging. The motive of withering is most often connected with the fading creative abilities of the author of the letters.

The figurative system of Karamzin's letters to different addressees forms an image of a growing old and sick historiographer, a sad mentor tortured by diseases, hardened by experience early enough. The motive of corporal weakness, illness and care about health is steadily present in Karamzin's letters to all addressees; it is closely connected with the motive of death and is plot-forming for the analyzed letters.

Thoughts of the finitude of life define Karamzin's life priorities, and a peculiar philosophy of death becomes a basis for Karamzin's understanding of life, its true sense. In his letters, the idea of real values becomes a motive of refusal from the vanity of the society which, in Karamzin's world-view,

does not mean comfort and is not a value for him. His values are living with his family, communication with friends, service to the fatherland.

The motive of work, literary work is one of the major motives in Karamzin's letters. It is connected with the idea of overcoming illness and melancholy. By the end of Karamzin's life this motive transforms into the philosophical idea of self-improvement, about developing one's soul, which seems to be the true meaning of life.

The poetics of Karamzin's letters is diverse and multi-layered. In the household letter, Karamzin develops a particular situation to the philosophy level; the means of its expression is a complex of elegiac motives representing one of the plot-forming elements of the considered epistolary texts, the tool of self-reflection and organization of a sensitive dialogue of Karamzin with his addressees.

References

1. Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 255–270.
2. Lazarchuk R.M. *Druzheskoe pis'mo vtoroy poloviny XVIII v. kak yavlenie literatury*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Friendly letter of the second half of the 18th century. as a literary phenomenon. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1972. 19 p.
3. Lappo-Danilevskiy K.Yu. *Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki* [Friendly literary letter: specificity, sources]. In: Kochetkova N.D. (ed.) *Puti razvitiya russkoy literatury XVIII veka* [Ways of development of the Russian literature of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013, pp. 121–153.
4. Sadovnikov A.G. *Kontseptsiya melankholii v khudozhestvennoy sisteme sentimentalizma i tvorchestve V.A. Zhukovskogo*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of melancholy in the artistic and creative system of V.A. Zhukovsky's sentimentalism. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2009. 26 p.
5. Lotman Yu.M. *Poeziya Karamzina* [Poetry of Karamzin]. Available from: <http://rvb.ru/18vek/karamzin/1bp/03article/article.htm>. (Accessed: 27th July 2014).
6. Vatsuro V.E. *Lirika pushkinskoy pory. "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's time. "Elegiac school"]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 240 p.
7. Rogova E.N. *Elegicheskiy modus khudozhestvennosti v literaturnom proizvedenii*: avtoref. diss. kand. filol. nauk [Elegiac mode of the artistic in a literary work. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 19 p.
8. Lebedeva O.B. *Istoriya russkoy literatury* [The history of Russian literature]. Available from: <http://www.infoliolib.info/philol/lebedeva/index.html>. (Accessed: 15th July 2014).
9. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: in 18 volumes]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub, 2009. Vol. 18, 624 p.
10. Bogdanovich E.V. *Druzheskoe poslanie i elegiya v 1810–1820-kh gg.: k voprosu o vzaimovliyani zhanrov* [Friendly message and elegy in 1810–1820s: the interaction of the genres]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 20 (235), pp. 38–40.
11. Sukaylo V.A. *Trudy i dni Ivana Dmitrieva: v 2-kh kn.* [Works and Days of Ivan Dmitriev: in 2 books]. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2010. Book 1, 960 p.
12. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected works in two volumes]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. Vol. 2, pp. 34–38.
13. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. *"Pis'ma russkogo puteshestvennika" Karamzina i ikh mesto v razviti russkoy kul'tury* ["Letters of a Russian Traveler" by Karamzin and its role in the development of Russian culture]. In: Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 525–606.
14. Alpatova T.A. *Lichnost' i tvorchestvo N.M. Karamzina kak mera metodologicheskogo razvitiya russkoy istoriko-literaturnoy nauki* [Personality and works of Karamzin as a measure of methodological development of Russian literary and historical science]. *Vestnik MGOU. Seriya "Russkaya filologiya"*, 2011, no. 4, pp. 113–118.